

12. Жизнь Сибири. – 1930. – №4. – С. 6.
13. Там же. – С. 3.
14. Правда. – 2 марта 1930 г.
15. Жизнь Сибири. – 1930. – №4. – С. 7.
16. Там же.
17. Там же. – С.6.
18. Гришаев С.В., Колесник Э.Г. Указ. соч. – С. 214.

УДК 316.344.8

Е.В. Головнева

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА СИБИРИ В ПРОЦЕССЕ ЕЕ КОЛОНИЗАЦИИ

E.V. Golovneva

THE FORMATION OF THE IMAGE OF SIBERIA IN THE PROCESS OF ITS COLONIZATION

В статье анализируется формирование сибирской идентичности как поселенческой, заданной колонизацией, развернувшейся в имперский период. Колонизация была связана с формированием особых представлений об отдаленных регионах России, в том числе Сибири. Помимо «символического» освоения Сибири посредством установления имперского контроля, шло ее ментальное присоединение, основаниями которого выступили конфессиональность и нейминг территории. Автор делает вывод, что в обыденном сознании осуществлялось естественное, стихийное конструирование образов Сибири, имевших как положительные, так и отрицательные коннотации. Как отдаленная территория, Сибирь представлялась некоей качественной сущностью, менявшей переселявшихся сюда людей. Акцентирование разных образов Сибири зависело от качественных характеристик русских переселенцев, от скорости и успешности преодоления ими мировоззренческих, эмоционально-психологических, ситуативных барьеров. Важными параметрами конструирования образа Сибири являлись географическая отдаленность региона, его специфические природно-климатические условия, дистанцирование сибиряками себя от других сообществ, в первую очередь от жителей Европейской России. В качестве методологической основы исследования в статье выступают идеи социального конструктивизма, поскольку представленные в сознании образы территории, ее населения являются результатом направленной социокультурной обработки (активно конструируют-

ся) и имеют динамическую природу. Основываясь на исторических, этнографических, культурологических источниках, история формирования образа Сибири рассматривается в контексте ментального освоения территории переселенцами в XIX веке.

Ключевые слова: образ Сибири, колонизация, сибиряки, региональная идентичность, конструирование.

In the study the formation of Siberian identity as the settlement, set by colonization and developed during the imperial period is analyzed. Colonization was connected with the formation of special ideas of the remote regions of Russia, including Siberia. Besides "symbolical" development of Siberia by means of establishment of imperial control, there was its mental accession as which bases the confessionality and the naming of the territory acted. The author draws the conclusion that in ordinary consciousness natural, spontaneous designing of the images of Siberia which had both positive and negative connotations was carried out. As the remote territory, Siberia was represented by certain qualitative essence changing the people moving here. The emphasis of different images of Siberia depended on qualitative characteristics of Russian immigrants, on the speed and success of overcoming of world outlook, emotional and psychological, situational barriers by them. Important parameters of designing of the image of Siberia were geographical remoteness of the region, its specific climatic conditions, distancing Siberians from other communities, first of all from residents of the European Russia. The ideas of social constructivism as the images of the territory presented in consciousness, its population are the result of the directed social and cultural processing act as the methodological basis of research in the study (are actively designed) and have dynamic nature. Based on historical, ethnographic, culturology sources, the history of the formation of the image of Siberia is considered in the context of mental development of the territory by immigrants in the XIX century.

Keywords: the image of Siberia, colonization, Siberians, regional identity, designing.

Неоднозначность и противоречивость современного восприятия Сибири ставит вопрос об основаниях и механизмах конструирования ее образов, и его, с нашей точки зрения, необходимо рассматривать исторически, в контексте повседневного, символического освоения Сибири переселенцами в процессе ее колонизации.

Важными параметрами конструирования образа Сибири являлись географическая отдаленность региона, его специфические природно-

климатические условия (описываемые то как идеальные, то как невыносимые [1]), дистанцирование сибиряков себя от других сообществ, в первую очередь от жителей Европейской России. По данным лингвистического анализа старожильческих сибирских говоров Т.А. Демешкиной, сибиряки осознают свое славянское происхождение, русскую идентичность, но видят и отличия по целому ряду признаков [2].

Очевидно, что подобные ментальные процессы, связанные с освоением новых территорий, происходили не только у переселенцев Сибири, а были известны, по крайней мере со времен Великих географических открытий, и на других территориях, ставших объектом европейской колониальной экспансии. Что касается Сибири, то тема ее ментального освоения в XVIII – начале XX вв. стала предметом научного анализа в целом ряде работ современных авторов, но особое внимание обращается исследователями на период XIX века. Именно к этому периоду относится формирование «сибирячества» как специфической географической (региональной) группы русских [3]. В середине XIX века В.И. Далем впервые было выделено «сибирское наречие» наряду с московским, новгородским и др., а также зафиксирована лексема «сибиряк» в значении «житель, уроженец Сибири» в «Толковом словаре» [4].

В XIX веке началась также относительно планомерная разработка программ освоения края и сформировались относительно устойчивые представления о Сибири. Так, работы М. Бассина [5], Я. Кусбера [6] и В. Сандерленда [7] дали представление о ментальном картографировании Сибири на протяжении этого столетия. А.В. Ремнев изучал «символическое» освоение Сибири посредством установления имперского контроля на протяжении XIX века [8]. Ева Мария Штольберг изучала процессы промышленного освоения Сибири в начале XX века [9]. Во всех этих исследованиях ментальное освоение сибирских территорий было тесно связано с вопросами колонизации.

Колонизация, как «сложное сплетение мотивов-действий элит и зависимых людей» [10], выходит далеко за рамки хозяйственного освоения Сибири и имеет огромное значение для понимания процессов, связанных с рождением особой социальной идентичности, новых ландшафтов. Колонизация была связана с формированием особых представлений об отдаленных регионах России, в том числе Сибири, как территории, занятой переселенцами. В случае Сибири миграция (Great Siberian Migration) являлась не просто перемещением населения, а одновременно освоением и присоединением новых территорий к Российскому государству, определяла расширение интерпретации региона, когда «из географического места Сибирь превращается в понятие нравственное, сулящее какое-то неясное, но желанное обновление» [11].

Поток переселенцев в Сибирь отличался не только существенным многообразием географических мест выхода, но и социальными, кон-

фессиональными, этническими характеристиками. Первоначально преобладали выходцы из северо-восточных губерний, о чем свидетельствуют архивные документы, фамильный состав первопоселенцев, особенности их традиционно-бытовой культуры и говоров [12]. Именно поэтому многие города на малопригодном для обитания Сибирском Севере оказались основаны раньше ныне процветающих более южных и в ту пору имели большее значение. Например, на Енисее северный Туруханск заложен раньше Енисейска, а тот – раньше Красноярска.

Позднее настал черед переселенцев из центрально-черноземных районов, а в столыпинские времена мощный поток переселенцев пришел из южнорусских и украинских губерний. Пестрота этих потоков увеличилась за счет староверов, сектантов и казаков, остававшихся группами, своеобразными даже в антропологическом отношении. Так, в 1886–1896 гг. в переселениях в Сибирь участвовали выходцы из 70 губерний России: 56 % переселенцев дали черноземные губернии (Курская, Тамбовская, Полтавская, Воронежская, Харьковская), самовольные переселенцы составляли 60–85 % от общего числа мигрантов [13]. Если в конце XVII в. численность крестьян в Сибирском регионе не превышала 20 тыс., то в конце XVIII в. составляла 500 тыс., а к середине XIX в. достигла 1,5 млн человек [13].

Аграрное движение русских крестьян за Урал на протяжении XIX века сопровождалось также ментальным освоением «нового пространства». В нем фиксируется постоянное колебание базовой оценки наблюдателя, «словно раздваивающегося между задачей дальнейшего отчуждения Сибири и противоположной установкой, которая заключалась в символическом освоении/присвоении, включении Сибири в контур национальной жизни» [14]. Как отмечает Н.Н. Родигина, из страны «незнаемой» и «виноватой», места ссылки и каторги, Сибирь все больше превращалась в богатый и привлекательный край. Если в 1850–1870-е гг. Сибирь воспринималась еще как далёкая, суровая, экзотическая страна, то в 1880-е – начало 1890-х была отмечена уже активная интеллектуальная экспансия в регион. В начале же 1890-х – 1904 г., под влиянием строительства Транссибирской железной дороги, организации массового переселения в регион, Сибирь стала рассматриваться как одна из провинций Российской империи [15].

На уровне обыденного сознания привлекателен был образ Сибири (сконструированный еще ссыльными декабристами) как своего рода «мужицкого царства», свободного от помещиков. Историк В. Сандерленд отмечает, что формированию позитивного образа Сибири в сознании переселенцев способствовали специально написанные памфлеты, путеводители, брошюры, которые сопровождались иллюстрациями и фотографиями с изображением выбеленных изб, церквей, прочных хозяйств и крепких крестьянских семей. Они создавали представление о

том, что жизнь в Сибири не сильно отличалась от образа жизни на европейской территории России [7].

Немаловажную роль сыграл и распространенный в крестьянской среде фольклор (мифы, песни, легенды), в котором восточные окраины России (по аналогии с мифической землей Беловодья) выступали местом крестьянской воли и свободы от административного произвола [7]. «Беловодский» образ Сибири просматривается в сочинениях путешественников, суждениях самих сибирских жителей, произведениях ссыльных [16]. Так, новосибирский автор Н.Н. Родигина на основании анализа песен ссыльных каторжан отмечает, что Сибирь «воплощала идею безграничной воли, в отличие от несвободной России, рассматривалась как место встречи протестующих против существовавшего социального порядка» [17]. В народной среде бытовали поговорки: «В Сибири и на березах калачи растут», «Там хоть и холодно, да не голодно!», «В Сибири бабы коромыслами соболей бьют», «Страшна Сибирь слухом, а люди в ней лучше нашего живут», «В Сибири 100 рублей – не деньги, 100 вёрст – не расстояние».

На уровне официального сознания правительственная публицистика XIX века усиленно развивала «поэтическую формулу Сибири» [18]. В этом образе негативная этнографическая экзотика отходила на второй план: Сибирь заметно «теплела» и стала «выравниваться» с остальной Россией, включаясь в единое с ней пространство. Так, автор повести «Посельщик» Н. Щукин писал: «Зачем слово «Сибирь» произносят со страхом, зачем им стращают порочного шалуна, пугают опасного вольнодумца. Мы привыкли представлять себе Сибирь страной холодной, состоящею из одних степей, покрытых ледяною корою, по коим влачат кое-где несчастную жизнь ссыльные и дикари. Мы привыкли почитать Сибирь убежищем порока и преступлений, скопищем нарушителей закона и совести. Добрые мои соотечественники! Не обижайте прекрасной страны несправедливым мнением, не чуждайтесь ею, – она ваша родная, и в ней есть добрые, даже мыслящие люди. В ней говорят тем же языком, какой вы слышите на берегах Невы и Волги» [19].

Демонстрации формирования позитивного образа Сибири, конструирования ее как православной «русской территории» способствовало торжественное освящение икон, установление памятников павшим героям, проведение церковных и государственных праздников, чествование подвижников «русского дела». Важность конфессиональной принадлежности закреплялась и в языке: русские переселенцы во взаимоотношениях с инородцами определяли себя в первую очередь как «крещеные», «православные люди». Отметим, что формирование собственной религиозной общины как залога сохранения прежней социальности в новых географических условиях было характерно не только для русских переселенцев. То, что, исходя из современного понимания, часто

рассматривается как немецкая община в Сибири, было общиной лютеранской, еврейская община – иудейской, польская – католической. Конфессиональность, таким образом, была одним из важнейших оснований формирования региональной самоорганизации в Сибири.

Ментальное освоение Сибири сопровождалось и формированием нейминга карты Азиатской России, а топонимика становилась заявкой на право обладания территорией. Примечательно, что само понятие «Сибирь» появляется на ментальных картах уходящего в прошлое средневекового мира одновременно с конструктом «Россия». Движение от Руси к России осуществляется параллельно с превращением Великой Тартарии в Сибирь [20]. Согласно Я. Кусберу, территория Сибири и ее население воспринимались русскими как знакомое, но иное пространство, по аналогии с монгольской силой, являвшейся традиционным соперником средневековой Московии в предшествующие века [6, с. 57].

Нейминг территории является одним из средств утверждения формирующейся идентичности, частью ее конструирования. Ойконимы формируют образ местности, в котором в зависимости от стадии расселения и эпохи отражаются знакомые человеку предметы. Когда в топонимике начинают преобладать антропонимы, тогда можно говорить о формировании обжитого пространства с тесными соседскими связями и отношениями. Параллельно с имперским административным строительством в Сибири получил развитие «топонимический национализм» [21], сопровождавшийся закреплением за собой новых территорий с помощью привычных имен православных святых, русских героев, перенесением старых названий на новые места. Так появились в Сибири свои Архангелки, Алексеевки, Андреевки, Георгиевки, Ивановки, Ильинки, Никольские, Муромцево, а также – Азово, Астрахановка, Вятка, Казанка, Краснодарка, Крым, Малороссы, Московка, Новая Рига, Нововаршавка, Новый Ревель, Новороссийка, Новоцарицино, Одесское, Полтавка, Рязанка, Самарка, Саратовка, Таврическое, Тамбовка, Харьковка, Царицыно, Черниговка, Черноморка и др. Встречались и случаи соседнего расположения деревень с одинаковым названием и различным составом населения. Зауральские территории, вместо привычных «Сибирь» и «Степь», стали чаще именоваться «Русским Востоком», «Русской Азией»/Азиатской Россией и «Русской Евразией».

Как отдаленная территория, Сибирь представлялась некоей качественной сущностью, менявшей переселявшихся сюда людей. Используя в качестве источников письма переселенцев в Сибирь (конец XIX века), В. Сандерленд отмечает, что само переселение русских крестьян сопровождалось обрядами «перехода» и символизировало собой «смерть» и «рождение» человека в новом статусе [7]. Историк Ф. Корандей, анализируя тексты дневникового, репортажного и мемуарного характера, посвященные пересечению сибирской границы, отмечает ритуалы проща-

ния с родиной, включающие в себя молитву, целование европейской земли и европейской части пограничного столба, торжественное молчание [22]. В исследовании литературоведа В.И. Тюпы, посвященном «сибирскому тексту» русской классической литературы, образ Сибири интерпретируется как образ страны мифической смерти и последующего воскресения: «Уникальное взаимоналожение геополитических, культурно-исторических и природных факторов привело к мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни» [23].

Письма переселенцев на историческую родину свидетельствуют о трудностях, испытываемых во время долгого путешествия, и одновременно изобилуют рассказами о новых увиденных землях и людях. Своеобразная этнография и религия местного населения ставили русского колониста перед вопросом: как относиться к местным культовым практикам? Значительную роль в крестьянском переселенческом дискурсе играло также упоминание о плодородии местных почв и природных богатств.

Видимо, акцентирование разных образов Сибири зависело от качественных характеристик русских переселенцев, от скорости и успешности преодоления ими мировоззренческих, эмоционально-психологических, ситуативных барьеров. Отметим хорошо известное переживание русским человеком своего сибирского опыта как опыта пребывания в чужой стране (классический пример – протопоп Аввакум). Используемые в интервью информантов сравнения также проводят четкую грань между «Россией», оставшейся за Уралом, и местом поселения, дававшим надежду на лучшую жизнь. Действительно, Сибирь перестала везти хлеб из Европейской России в 1685 году. В Сибири имеющий от 7 лошадей считался богачом, а 3 лошади – бедняком, в то время как в Европейской России кулаком считался хозяин, имевший 3–5 лошадей [24]. Буржуазия Сибири, столкнувшись с конкуренцией со стороны предпринимателей и торговцев из Центральной России, начала осознавать свою «сибирскость» и сохраняла эту идентификацию даже тогда, когда перебиралась в столичные центры.

При характеристике образов Сибири оказывается интересным не только анализ представлений, связанных с движением в Сибирский регион, но и анализ идей, связанный с обратным движением – из Сибири в Европейскую Россию. Такой взгляд позволяет понять, какие события, явления, персонажи русской жизни соотносились в общественном сознании с восточной окраиной, какие мифы, стереотипы и метафоры были сопряжены с ней. Новосибирский автор Н.Н. Родигина, на основе анализа популярных еженедельников второй половины XIX – начала XX вв. («Нива», «Родина», «Огонек» и др.), содержащих публикации о

путешествиях из Сибири в Санкт-Петербург, называет следующие маркеры массового восприятия, связанные с Сибирью и ее жителями. В отношении сибиряков – это доминирование таких слов-маркеров, как «смелые», «отважные», «храбрые», «выносливые», «туристы», «спортсмены», «предприниматели»; в отношении путешествия в Сибирь – «принятие решения», «преодоление трудностей пути» (чрезмерно холодная сибирская зима или слишком жаркое сибирское лето, бездорожье, усталость как следствие большой протяженности пути и др.) [25].

Таким образом, в обыденном сознании осуществлялось естественное, стихийное когнитивное конструирование образов Сибири, имевших как положительные, так и отрицательные коннотации. Здесь активизировались два альтернативных, но неизменно связанных между собой смысла русской провинции: «убогого захолустья» и «потерянного рая».

Литература

1. *Анисимов К.В.* Климат как «закоснелый сепаратист». Символические и политические метаморфозы сибирского мороза // Новое литературное обозрение. – 2009. – №5 (99). – С. 98–114.
2. *Демешкина Т.А.* Славянский компонент в самоидентификации жителей Сибири // Русин. – 2015. – №3(41). – С. 108.
3. *Ремнев А.В.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX вв. – Омск: Наука, 2013. – С. 237.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1998. – Т. 4. – 685 с.
5. *Bassin M.* Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. – Cambridge, 1999.
6. *Kusber J.* Mastering the imperial space: the case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research // *Ab Imperio*. – 4/2008. – P. 52–74.
7. *Sunderland W.* Peasant Pioneering: Russian Peasant Settlers Describe Colonization And The Eastern Frontier, 1880s–1910s // *Journal of Social History Publisher: COPYRIGHT 2001*. – Summer, 2001. – Source Volume: 34 Source Issue: 4.
8. *Ремнев А.В.* Россия на Дальнем Востоке. Имперская география власти XIX – начала XX веков. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004.
9. *Stolberg E.-M.* The Siberian Frontier between «White Mission» and «Yellow Peril,» 1890s–1920s // *Nationalities Papers*. – 2004. – Vol. 32. – № 1. – Pp. 165–182.
10. *Головнев А.В.* Колонизация в антропологии движения // Уральский исторический вестник. – 2009. – №2 (23). – С. 5.

11. *Распутин В.* Собр. соч.: в 3 т. – М.: Молодая гвардия, Вече-Аст, 1994. – Т.3. – С. 9.
12. *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – в начале XVIII веков. – М.: Наука, 1972. – С. 19.
13. Сибирская историческая энциклопедия. – Новосибирск, 2009. – Т. 2. – С. 106.
14. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве /отв. ред. *К.В. Анисимов.* – Красноярск: Изд-во СФУ, 2010. – С. 6.
15. *Родигина Н.Н.* «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XVIII – начала XX в. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. – С. 327.
16. *Туманик Е.Н.* Сведения о Восточной Сибири и ее Приморской области в Живописном альбоме Гектора Бильдзукевича // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века: сб. науч. ст./отв. ред. *Д.Я. Резун.* – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004.
17. *Родигина Н.Н.* Репрезентации Сибири в песнях каторжан второй половины XIX – начала XX века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14. – Вып. 1. – С. 86.
18. *Анисимов К.В.* У истоков сибирской темы в русской литературе XIX века: журнал Г.И. Спасского «Сибирский вестник» // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. – 2004. – № 3 (40). – С. 65–66.
19. Цит. по: *Азадовский М.К.* Литература сибирская (дореволюционный период) // Сибирская советская энциклопедия. – М., 1932. – Т. 3. – С. 88.
20. *Ерохина Е.А.* Модернизация «Другой России»: образы Сибири и стратегии ее развития //Идеи и идеалы. – 2012. – №3(13). – Т. 1. – С. 55.
21. Подробнее см.: *Ремнев А.В.* Империя расширяется на восток: «топонимический национализм» в символическом пространстве Азиатской России XIX – начала XX века // *Ofiary imperium. Imperia jako ofiary.* 44 spojrzzenia / red. *Andrzej Nowak.* – Warszawa, 2010. – С. 153–168.
22. *Корандей Ф.С.* Преддверие Сибири: образы границы в описаниях путешествий по Сибири (вторая половина XIX в.), Русский травелог XVIII–XX вв. / под ред. *Т.И. Печерской.* – Новосибирск, 2015. – С. 181.
23. *Тюпа В.И.* Мифологема Сибири: к вопросу о сибирском тексте русской литературы // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 28.
24. Межкультурная коммуникация народов Сибири: конспект лекций / *Л.Н. Евменова, В.П. Кривоногов* [и др.]. – Красноярск, 2008. – С. 41.

25. Родигина Н.Н. «Героический сотник», «женщина-Герострат» и другие: образы путешественников из Сибири в столицу в еженедельных журналах второй половины XIX – начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – Т. 22, № 1. – С. 10–14.

УДК 94(47).083

И.И. Воронов, В.И. Пантелеев

**АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КРИВОШЕИН:
ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

I.I. Voronov, V.I. Panteleev

**ALEXANDER VASILYEVICH KRIVOSHEIN:
LIFE AND STATE ACTIVITIES**

В статье представлена научная биография А.В. Кривошеина (1857–1921) – известного государственного деятеля дореволюционной России, Главноуправляющего землеустройством и земледелием (1908–1915), Председателя Правительства Юга России (1920). Показана его роль в разработке и реализации аграрных преобразований в России, получивших название столыпинской аграрной реформы. Авторы показывают, что А.В. Кривошеин не ставил своей целью разрядить аграрный вопрос в центре страны с помощью переселений в Сибирь. Главной его целью при организации переселений была идея прочного заселения Сибири. После смерти в 1911 году председателя Совета министров П.А. Столыпина А.В. Кривошеин не только сохранил свой пост Главноуправляющего землеустройством и земледелием, но и некоторое время являлся «фактическим премьером» царского правительства. До своего выхода в отставку в 1915 году А.В. Кривошеин оказывал существенное влияние на социально-экономическую политику, которую проводили председатели Совета министров России В.Н. Коковцов и И.Д. Горемыкин. Именно А.В. Кривошеин выступил закулисным организатором объединенного большинства в IV Государственной думе – Прогрессивного блока. В статье подробно рассматривается деятельность А.В. Кривошеина как одного из видных деятелей белого движения. А.В. Кривошеин был фактическим организатором антисоветской организации «Правый центр», в ноябре 1918 года именно он был председателем проходившей в Румынии Ясской конференции – совещания, на котором представители белого движения, Добровольческой армии и стран Антанты пытались выработать программу по ликвидации власти большевиков в России. В 1920 году А.В. Кривошеин по